

УДК 316.33

ПОБЕДА ОБРАЗА: ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ РИСКИ КОММЕМОРАТИВНЫХ ПРАКТИК

Головашина О.В.

В статье рассматриваются практики коммеморации Победы во Второй мировой войне и анализируются их возможные последствия. Интенсивная коммеморация Победы предполагала создание большого количества памятников и мемориальных комплексов, создающих определенный образ народа-победителя: сильного, несломленного, созидателя и миротворца. Памятники должны были, в первую очередь, вызывать гордость за Родину, а не скорбь о жертвах. Социологические опросы показывают, что современные россияне также считают этот образ эталонным. Образы Победы, не укладывающиеся в это представление, вызывает неприятие населения. Таким образом, образ Победы выступает не как проявление коммуникативной или культурной памяти, а как фундамент гражданской идентичности современного россиянина.

Ключевые слова: политика памяти, социальная память, коммеморативные практики, образ Победы, гражданская идентичность, идентификационные риски, памятники.

THE VICTORY OF THE IMAGE: IDENTIFICATION RISKS OF COMMEMORATIVE PRACTICES

Golovashina O.V.

The article considers commemorative practices of the Victory in World War II and analyses their possible consequences. Intensive commemoration of the Victory supposed creation of a large number of monuments and memorials with a certain image of the winner nation, strong and undefeated, the creator and peacemaker. First of all, monuments were supposed to elate the sense of pride for the Motherland but not the sense of grief. Surveys show that Russians today also consider this image as an etalon. The images of the Victory that go beyond the scope of such representation

cause repel. Thus, today Victory does not represent itself a demonstration of the communicative or cultural memory, but is stated as the foundation of the civil identity.

Keywords: politics of memory, social memory, commemorative practices, image of the Victory, civil identity, identification risks, memorials.

Статья подготовлена при поддержке грантов РФФИ № 15-33-01003 и Президента РФ № МК-5552.2016.6.

Разрешена ли скорбь народу-победителю?

В г. Рассказово (районный центр Тамбовской области) в начале осени 2015 года началось строительство мемориального комплекса, посвященного 70-летию Победы, одной из составляющих которого была стела Скорбящей матери. Фигура в плаще без лица должна была, по мысли автора, воплощать образ каждой женщины, пережившей Великую Отечественную, а звезда для Вечного огня в виде пентаграммы напоминала о тех «звездочках», которые рисовали дети. Однако горожане оказались недовольны изображением. Архитектора Александра Куликова упрекали в излишней нетрадиционности («авангардизм в таком деле не уместен» [5]), называя статую «безумным надругательством и над Победой, и над материнством, и над светлой памятью» [3]. Ассоциации с некоторыми европейскими памятниками и положительные оценки профессионалов не убедили горожан в ценности стелы.

В ходе обсуждения вопроса в сети Интернет, граждане приводили в пример привычные советские монументы как образцы, например, скульптуру у входа в Музей Великой Отечественной войны в Минске, изображающую мать, которая провожает сына на войну, подчеркивали, что «звезда должна быть настоящей, как золотая звезда героя, а не сатанинский пентакль» [3], и вообще «памятники такого рода должны быть величественными и фундаментальными, чтобы глядя на памятник, чувствовалась вся мощь великой страны, победившей фашизм» [5]. Рефреном в комментариях звучала мысль, что нельзя на этом

изображении воспитывать детей. Конечно, им нужно показывать привычную уже поколениям войну как повод для героизма и формировать образ болгарского Алеша как типичного русского (советского) солдата. В итоге стела «Скорбящая мать» в Рассказово была демонтирована.

На настоящий момент в России существует более 20 тысяч памятников героям Великой Отечественной войны, около 4 тысяч находятся в Европе. Большинство россиян (69%) назвали символом борьбы СССР скульптуру «Родина-мать зовёт!» в Волгограде. Этот огромный монумент внушает, прежде всего, гордость и, пожалуй, в последнюю очередь вызывает память об ужасах войны. Другие популярные символы ВОВ – мемориальный комплекс на Поклонной горе в Москве, памятники Воину-освободителю в Берлине (по 30%) и советскому солдату-освободителю в Болгарии «Алеша» (29%) [2] – такие же монументальные. Впрочем, другие памятники у нас делали редко – советский народ может быть только героем и только победителем, о чем бы ни шла речь. (У нас даже на полях шла битва за урожай).

Интенсивная коммеморация Победы началась приблизительно через 20 лет после окончания войны. П. Нора считает, что обилие памятных мест – это показатель утраты памяти. Не возникает желания вспомнить, когда прошлое осознается таким же реальным, как настоящее; коммеморация возникает там, где присутствует (или конструируется) страх забыть. Образы победителей соответствовали законам развития соцарта, а все еще враждебное окружение, «холодная война» и не менее интенсивные, чем хотелось бы, успехи строительства коммунизма диктовали необходимость формирования культа героизма, жертвы ради теперь уже не великой идеи единства всех пролетариев, а более объективной – дома, матери. Возведение памятников победителям, «Вечного огня» совпало с интенсивным городским строительством, поэтому массивные монументы героям-победителям из соответствующих, обладающих специальным разрешением мастерских, зачастую ставились на свежестроенные городские площади. Лучшей метафоры конструирования памяти, которая вполне отражает особенности коммеморации Победы, сложно

было бы придумать. Образ народа-победителя сначала соперничал, а затем и полностью заменил образы самой войны, сохранившийся личной памяти ветеранов.

Материальность идентификации

Десятилетия попыток осмысления разнообразных трансформаций и текущей ситуации деонтологизации прошлого убедили исследователей, что коллективные воспоминания являются источником идентичности и связанных с ней конфликтов, предрассудков [14], а принятие определенной версии прошлого предполагает свою версию будущего и не может рассматриваться независимо друг от друга [13]. Прошлое, таким образом, представляет собой определенный ресурс, который акторы политической и социокультурной динамики используют для доказательства легитимности существующего порядка вещей, получения прибыли (в том числе, символической) и т.д. Таким образом, вместо прошлого, воспринимаемого прежде как действительного, мы имеем дело с его образом, создаваемым (сознательно в процессе политики памяти или бессознательно как результат действий различных акторов) и затем транслируемым для реализации актуальных на сегодняшний день целей. Это является одной из причин перманентного кризиса идентичности личности и групп. Потерявшее онтологичность прошлое подвергается изменениям, которые оказывают влияние и на трансформации идентичности. И если различные нарративы в рамках политики памяти уже достаточно хорошо изучены современными исследователями, то место объективизации в идентификации пока еще недостаточно концептуализировано.

Прежде идентификация субъекта определялась группой, но, по мере усложнения окружающего объективного мира, индивид оказался принадлежащим сразу к различным сообществам. Постоянные изменения социокультурного поля, в котором живет субъект, становится еще одним фактором дестабилизации. В этих условиях одной смены масок (по Дж. Миду) стало недостаточно для сохранения прежней стабильности самоидентификации. По замечанию К. Кнорр-Цетины, в современном мире в

этом процессе все чаще вещи заменяют людей в качестве посредников. Мир меняется быстрее, чем поколения, и впервые жалобы старших на то, что раньше было совсем по-другому, стали иметь основание.

Конец прежней общинности унес за собой традицию, лежащую в основе предсказуемости окружающего мира, непрогрессивность будущего лишала фундамента линейную нарративность. Без возможности какой-либо стабильной идентификации, разум становится «бездомным» [12]. Людям не хватает ресурсов, чтобы справиться с постоянно меняющимися обстоятельствами. В этих условиях материальные объекты, особенно, наделенные дополнительными смыслами, начинают иметь абсолютное значение. «Окружение определяет идентичность индивида точно так же, как прежде ее определяли общины и семьи; оно благоприятствует возникновению новых видов социальности (социальных типов связи с другими объектами), подпитываемых объектами» [4, с. 268]. Это явление Кнорр-Цетина предлагает называть объективизацией. Концептуализируя объект-центричную социальность, она ссылается на трактовку вещи и инструмента у М. Хайдеггера [11], однако подчеркивает, что описываемая им «забота» отсутствует в актуальной концепции инструментальных действий. Для современного субъекта имеет значение не «забота», а «желаемое», постоянно повторяющаяся «стадия зеркала» (как назвал ее Лакан), то есть, «непрерывный поиск желаемыми новыми объектами и движения к ним» [4, с. 286].

Памятники, если понимать их в данном контексте, не столько иллюстрируют идентичность сообщества, сколько конструируют ее. Народ-победитель – это не просто сложившееся благодаря советской пропаганде выражение, а «Алеша» и Воин-освободитель в Берлине, Родина – не только березки (хотя это тоже конструируется), но и та, которая зовет с плаката или возвышается на Мамаевом Кургане.

Монумены, посвященные Великой Отечественной войне, от Волгограда до небольшого города в Республике Коми, транслируют ставший привычным (в том числе, благодаря этим монументам) образ «Скорбящей матери» – прежде

всего, матери победителей, скорбящей, да, но не сломленной женщины, которая потом еще страну с руин поднимет. Эти женщины вызывают восхищение, а не сопереживание, и именно этот образ был нужен советскому руководству, «женщины, пережившие войну, блокады, похоронившие детей, мужей, находили в себе силы потом поднимать страну и жить дальше, храня в себе память и тепло, а не обезличенную болезненную пустоту!» [3]. Необходимость восстанавливать страну и учитывать все еще враждебное окружение не оставляло место для скорби.

Память победителей

В 1983 г. под редакцией Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера вышел сборник статей «Изобретение традиции», в котором (и в дальнейшем) авторы доказывали, что содержание образов истории конструируется акторами политического процесса для достижения собственных целей. Многочисленные авторитетные противники этого взгляда подчеркивали границы возможного конструирования и наличие разных политических сил, которые отстаивают иногда противоположные версии прошлого и, следовательно, ведут различные политики памяти, мешая, таким образом, формированию («изобретению») единого образа прошлого. Подход Э. Хобсбаума строиться на идеях М. Фуко, подчеркивающего приоритет официальной политики памяти.

Конечно, в Советском Союзе не могло сосуществовать несколько, притом конкурирующих, версий прошлого. Поэтому официальная точка зрения, несмотря на ее определенные изменения, сейчас оказалась единственной распространенной. Ей могла противостоять только личная память участников войны, однако ветераны не любили делиться воспоминаниями с детьми о неприятных сторонах тех лет, а их рассказы в школах и прочих учреждениях на день Победы согласовывались с официальной версией прошлого.

Современные воспоминания о родственниках-ветеранах сводятся к скупым строчкам «прошел всю войну», «дошел до Берлина», «был ранен» (по данным социальных сетей). Нет эмоциональной сопричастности, которая делает эти строки важными, действительно имеющими значение для памяти и

идентичности. Мы – герои, народ-победитель, и на этом величественном фоне биография деда, как правило, выступает малозначащей иллюстрацией, не настолько интересной, как те истории, которые показывают в фильмах. Довольно распространенными и уже, к сожалению, нормальными, являются фразы «мой прадед воевал, правда, не знаю, где».

Связь прервалась не сейчас. Молодые поколения жалеют, что дедушка (прадедушка) уже умер, и не получилось его расспросить, но если единственным источником информации о подвигах деда является сам дед, значит, родители тоже в свое время ни о чем его не расспрашивали. Советская идеология многое сделала для дискредитации авторитета семьи и семейной памяти, и осторожные попытки вернуть этот авторитет в 1970-е уже не могли быть успешными. Нарратив победителей, представленный в школах, фильмах вполне удовлетворял; в любом случае, он, как более последовательный, побеждал возможные противоречия в семейной памяти. В этих скупых и многочисленных в социальных сетях описаниях – где воевал, сколько ранений, какие награды нет человека, но есть то, чего и добавилась официальная версия – человек всего лишь только винтик народной Победы.

Память может сопротивляться забвению только при наличии заинтересованных в сохранении этой памяти и групп и материальных объектах, выступающих носителей разной версии прошлого. Однако у официального нарратива есть памятники, парады, фильмы и песни, а у семейной памяти зачастую нет ничего. Только 39% респондентов заявили, что в их семье хранятся вещи, связанные с войной, и большинство опрошенных среди этих вещей назвали награды, которые, опять же, усиливают и без того победивший образ героев. Историю пишут победители, потому что только память победителей может быть доступна.

Как верно было замечено в одном из комментариев, «для жителей нашей страны Победа в Великой Отечественной войне – это праздник, торжество справедливости, а не день скорби». Конечно, праздник со слезами на глазах, но слезы остались у прежних поколений, а мы просто радуемся, потому что уже

привыкли на Новый год наряжать елку, есть блины на Масленицу и радоваться в День Победы.

Реакция активных жителей Рассказово показывает, что другой образ войны противоречит самоидентификации, содержит угрозу «я». Подобные реакции россиянами воспринимаются в качестве нормальных, отсутствие реакции воспринимается отрицательно.

Например, использование образа с плаката «Родина-мать зовет!» в рекламе названо циничным [6], его использование было запрещено торговцам одежды в Иваново [10], попытки администрации Волгограда найти новый символ города вызвали различные обличительные комментарии, например «Чиновникам Волгограда Родина-мать уже не нужна» [7; 9] (объявление о конкурсе на новый бренд города вскоре пропало с официального сайта), «Волгоградская Родина-мать – прекрасный образ, давно уже имеющий многогранное политическое, философское, эстетическое измерения. И если он не устраивает волгоградских чиновников, то нужно менять не символ, а чиновников» [8].

То есть, сохранение образа Победы, сформированного государственной стратегией – это, прежде всего, забота о целостности своего Я. Наказания за десакрализацию этого образа могут быть различными – от поругания в соцсетях до административной ответственности. Носителей другого образа Победы называют, как минимум, моральными уродами, циниками, подтверждая, что «через 70 лет после того, как над Рейхстагом было водружено знамя Победы, борьба за сакральность 9 мая в настоящее время остается как никогда актуальной» [1].

Однако именно памяти образа Победы нет. Есть трансляция превратившихся в мемы фраз и картинок, ставших такой составляющей идентификации, что их неправильное, с точки зрения победившего образа, использование, вызывает однозначно агрессивную реакцию.

Список литературы:

1. Бутов Е. Борьба за день Победы [Электронный ресурс] // Живой Журнал. Rusfront2012 [блог]. 16.05.2015. URL: <https://goo.gl/NOMTAq> (дата обращения: 11.03.2017).
2. Две трети россиян считают Сталинградскую битву важнейшим событием ВОВ [Электронный ресурс] // Сетевое издание «РИА Новости» [сайт]. 14.04.2010. URL: <https://goo.gl/NJF2OP> (дата обращения: 11.03.2017).
3. Жителей Рассказово пугает стела «Скорбящая мать» [Электронный ресурс] // Информационное агентство "Онлайн Тамбов.ру" [сайт]. 08.08.2015. URL: <https://goo.gl/N6LNgi> (дата обращения: 11.03.2017).
4. Кнорр-Цетина К. Социальность и объекты. Социальные отношения в постсоциальных обществах знания // Социология вещей. Сборник статей. М.: Территория будущего, 2006. С. 267-306.
5. На Тамбовщине вместо «скорбящей матери» скульптур изобразил приведение [Электронный ресурс] // Конт [сайт]. 09.11.2015. URL: <https://goo.gl/hPb54q> (дата обращения: 11.03.2017).
6. Наркевич: использовать в рекламе образ Родины-матери – это цинизм [Электронный ресурс] // Sputnik Беларусь [сайт]. 26.11.2015. URL: <https://goo.gl/yNXGYL> (дата обращения: 11.03.2017).
7. Родина-мать уже не нужна [Электронный ресурс] // NoNaMe [сайт]. 29.11.2012. URL: <https://goo.gl/6G4Ztk> (дата обращения: 11.03.2017).
8. Романова К. Местные власти вознамерились придумать новый символ города – менее «кровавый» [Электронный ресурс] // Русская Планета [сайт]. 29.11.2012. URL: <https://goo.gl/eYp3Ph> (дата обращения 11.03.2017).
9. Серенко А. Чиновникам Волгограда Родина-мать уже не нужна [Электронный ресурс] // Независимая газета [сайт]. 29.11.2012. URL: <https://goo.gl/IR4svf> (дата обращения: 11.03.2017)
10. Торговцам одеждой в Иванове запретили использовать плакат «Родина-Мать зовет!» [Электронный ресурс] // Частник.Ru [сайт]. 27.08.2015. URL: <https://goo.gl/iwmfu9> (дата обращения: 11.03.2017).

11. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / Пер. А.Г. Чернякова. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. 446 с.
12. Berger P., Berger B., Kellner H. *The Homeless Mind: Modernization and Consciousness*. New York: Vintage Books, 1974. 232 p.
13. Gutman Y., Brown, A. D., Sodaro, A. *Memory and the Future: Transnational Politics, Ethics and Society*. London: Palgrave Macmillan, 2001. 217 p.
14. Pennebaker J. Introduction // *Collective Memory of Political Events* / eds. J.W. Pennebaker, Dario Paez, and B. Rome. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 1997. 303 p.

Сведения об авторе:

Головашина Оксана Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и методологии науки Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (Тамбов, Россия).

Data about the author:

Golovashina Oksana Vladimirovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Philosophy and Methodology of Science Department, Tambov State University named after G.R. Derzhavin (Tambov, Russia).

E-mail: ovgolovashina@mail.ru.